Ума Алактум ступил на ринг. Уже почти привычный диск стометрового диаметра, казалось, отозвался вибрацией, когда нога участника ступила на него. На противоположной стороне прибывал Иола Лемис Григ, он смотрел на оппонента без эмоций, поглаживая рукояти своих клинков.

Монах ухмыльнулся и, дойдя до стартовой позиции, скинул с плеча огромный чехол. Сотни тысяч глаз жадно впились в предмет, лежащий перед Умой, в желании поскорее узнать: что же там находится. Комментатор завершает стандартное приветствие, переходя к сути дела.

— Похоже, что участник Ума сегодня не с пустыми руками!!! Что же он нам покажет в этом бою? Давайте узнаем! Но сначала, как это обычно бывает: правила поединка! Знаю, знаю, не надо этих стонов, уважаемые зрители, правила довольно просты: в течение получаса на ринге будут появляться гомункулы боевого типа — задачей участников является уничтожение как можно большего количества гомункулов! Можно мешать друг другу, но учтите, что ваши цели будут вооружены и опасны. К счастью, новые «мишени» будут появляться по одному в течение каждых десяти секунд!

Участники смотрят друг на друга, как будто не слыша громогласных слов ведущего.

— Итак, бойцы готовы? Готовы? НАЧАЛИ!!!

Из «пола» ринга появляется человекоподобный дроид и начинает приплясывать на месте — по трибунам пробегает смешок, но тут же затихает в непонимании происходящего. Противники стоят на месте, сверля друг друга взглядом и не двигаясь. Трибуны недоумённо переглядываются, но подзуживать пока не решаются. И только когда уже комментатор думает напомнить участникам: зачем все здесь сегодня собрались, Ума нарушает неподвижность.

Монах садится и начинает расшнуровывать чехол, напевая при этом какую-то детскую считалку. Уриец всё так же неподвижен в своём ожидании, а редкий зритель, затаив дыхание, ждёт, что же явит миру этот старомодный кусок синтетической кожи. Наконец, Ума заканчивает приготовления и вытаскивает на свет, как всем показалось, огромный кусок металла. Иола невольно сжал рукоять шпаги, а трибуны ахнули, когда юноша водрузил себе на плечо огромный, казалось бы, неподъёмный для человека меч.

Прямоугольный меч длиной в человеческий рост и шириной в полметра, требующий недюжинной силы для его удержания, внушал страх от перспективы попадания под его удар. Почти треть от длины меча присвоила себе рукоять, как будто говоря, что двух рук явно недостаточно. Заканчивалась рукоять закруглённой спиралью, деталью металлического кольца размером с кулак. Имя орудия, выгравированное с обеих сторон лезвия, не предвещало ничего хорошего. Надпись древнего языка «Tergum metentis», на всеобщем означающая «жнец». И мало кто в мире знал, с какими режимами переключения был создан этот клинок.

Ума, устав красоваться игрушкой, по озорному подмигнул противнику и не спеша побежал к гомункулу. Иола покрепче сжал рукоять своей шпаги и, подстраиваясь под заданный темп, тоже направился к цели.

Когда участники вошли в радиус пяти метров, дроид перестал плясать и, выхватив штурмовой игломёт, начал палить по угрозе. Шпага урийца заплясала, отбивая редкие снаряды, а монах просто крутанулся, прикрываясь клинком не хуже щита. Противники ударили по цели одновременно, и Иола должен был успеть первым — должен был, но не успел. Наследник не успел удивиться скорости удара, но и Ума рассчитывал не только на скорость. Юноша нажал что-то на рукояти, и лезвие слегка удлинилось, превращаясь из прямоугольника в клинок с

непропорциональным остриём. Лишние десять сантиметров длины. Десять сантиметров, позволившие нанести удар секундой раньше. Голова гомункула покатилась по рингу, и зритель усилил свой напор из эмоций и переживаний. Иола, наблюдая, как гигантский меч возвращается в исходную форму, делал расчёты. И результаты его не радовали.

С другого края ринга появляется новый дроид, и уриец, решив выиграть в скорости, мчится к цели, зная, что тяжёлый меч замедлит монаха. На полпути Иола слышит свист приближающейся угрозы и в последний момент уклоняется от брошенного Умой меча. Но «жнец» находит себе другую жертву, вонзившись в гомункула и буквально разрезав его надвое.

Аристократ не успевает заметить, когда именно змей девяти искусств приближается к остаткам дроида, чтобы вернуть себе свой клинок.

«Вот же засранец!»

А засранец уже бежит к новому гомункулу, и в этот раз уриец не собирается его опережать. Когда Ума оказывается слишком близко к цели, кукла начинает расшвыривать микробомбы, с зарядом не смертельным, но весьма болезненным при попадании. Когда монах прикрывается «жнецом» от первой волны взрывчатки — Иола его атакует.

Ураган из взрывных вспышек и мелькания клинков предстаёт перед зрителями, и мало кто способен уловить нить происходящего. Уриец раз за разом атакует монаха, заставляя последнего переводить атаку в защиту. Ума раз за разом отмахивается от назойливого противника, маневрируя между снарядами и стараясь приблизиться к цели. Звон сменяется взрывом, затем вспышкой и снова взрывом.

Всё прекратилось так же внезапно, как и началось: голова гомункула пробита брошенной шпагой, и сивилиец зарабатывает первые очки. Ума снова ухмыляется, обманчиво расслабленно поправляя водружённый на плечо меч. Иола сконцентрирован до предела, принимая стойку и готовясь выхватить саблю в любой момент. И никто из них не спешит разобраться с очередной целью, оставляя гомункула одиноко выплясывать в стороне. Мечники закончили с демонстрацией, зная, что всё решится прямо сейчас.

На всё ушло чуть больше секунды. Первым двинулся Ума: делает шаг вперёд, напрягаясь до скрипа в мышцах и разворачивая до предела тело, бьёт по бывшему товарищу. Быстро. Иола отпрянул назад, намереваясь избежать атаки, но Ума уже отпускает рукоять, позволяя «жнецу» уйти вперёд. В последний момент юноша цепляет пальцами впаянное в рукоять кольцо, позволяя мечу продолжить дуговой удар — Иола не успевает избежать увеличенного радиуса атаки, но он изначально этого и не планировал. Уриец ныряет под широкое лезвие меча и в рывке приближается к противнику, в заученной манере выхватывая свою саблю и нанося удар. Ума не мог блокировать атаку или контратаковать, но ему это и не было нужно: змей делает шаг назад ещё до завершения первого удара, продолжая разворот и, благодаря весу, закручивая по инерции свой меч. Иола не успевает достать монаха, когда «жнец», кружась вместе с хозяином, повторно атакует урийца. Уроженец Сивилии блокирует огромный меч — сабля со звоном разлетается на куски, удар отбрасывает наследника на добрый метр, раздробив при этом руку и, возможно, повредив рёбра.

Ума подходит к поверженному товарищу, когда сигнал о прекращении поединка разноситься по арене.

— А если бы я не бил тупой стороной клинка, — говорит победитель, — то тебя бы разрезало надвое… ты был бы мёртв…

***

Ведущий организатор Блюс в полном одиночестве направлялся в ремонтный отсек: в одно из самых изолированных мест на станции. Только гулкое эхо шагов сопровождало его в безлюдном коридоре. Коридор заканчивается одинокой дверью, и человек без колебаний открывает её вручную: прикоснувшись к панели чип-котроллером. Взору открывается небольшое помещение, оснащённое баками, заполненными жидким батарейным топливом. В центре комнаты, пристёгнутый к стулу, сидит человек. Но, несмотря на своё положение, пленник не выглядит напуганным, а когда узнаёт своего посетителя — позволяет себе самодовольную ухмылку.

Из тени стеллажей появляется референт Энди и подойдя к боссу лаконично докладывает:

— Мы вычислили его по пересылаемым сообщениям. Его доклады были направлены в систему Сегрессо. Мы перехватили последний и расшифровали. Судя по сообщению не похоже, что регент знает о его присутствии здесь. Когда мы попытались его задержать — он хотел скрыться в подсобных помещениях и запросить помощи извне. Не останови мы его — он даже мог пойти на раскрытие ваших планов перед советом «Ребелентиса».

— Хорошая работа, — на остром лице Блюса не отразилось и намёка на эмоцию, — как всегда.

Пленник пытается устроиться на стуле поудобней, но наручники не позволяют ему этого сделать, тогда он решает излить на присутствующих остатки своей спесивой натуры:

— К чему этот серьёзный вид, Блюс? Мы же оба знаем, что тебе придётся меня отпустить. Главам нашей организации не понравится, если я не вернусь домой.

— На твоём месте я бы не открывал свой грязный рот без разрешения, — с мимолётным презрением бросает Блюс, — ты всего лишь цепной пёс, и главам нет до тебя никакого дела. Ты жив лишь потому, что выполняешь их поручение, о чём регент даже и не догадывается. А раз главы послали тебя сюда по собственной инициативе — им есть, что мне сказать. Ну так как, тебе есть, что мне сказать, пёс?

Пленник сглотнул, чувствуя, как по лбу стекает предательская капля пота. Страх на мгновение сковал горло от понимания, что неверный ответ может означать смерть.

— Регент потеряла своё влияние среди глав, — прикованный к стулу человек становится серьёзен, — после того, как СПВ добралось до её мужа…

— Я отлично знаю, что случилось после того, как секретное подразделение Весты схватило Филиппа. И, так же как и все, я знаю, что его люди покинули пределы системы или перешли под командование других глав, но это не значит…

— Значит! — потеряв самообладание, выкрикивает пленник, но устыдившись своего порыва, переходит на шёпот. — Блюс, это многое значит. Наша организация потеряла почти двадцать процентов боевой мощи — двадцать процентов влияния на рынке. Космос, ты только вслушайся в это: уход одного человека поставил нашу организацию под угрозу распада. Ты же знаешь, что СПВ — не какой-то галактический суд, от которого можно откупиться, Филипп уже не вернётся. А эта стерва во главе нашей организации ведёт себя так, будто он снова будет с нами со дня на день.

— Не смей говорить о НЕЙ в подобной манере.

Сталь в голосе организатора заставляет прикованного к стулу человека сжаться. Но, несмотря на это, пленник продолжает:

— Синдикаты из соседних секторов планируют нас поглотить. Они знают, что мы не выиграем в прямом конфликте, и это знаем мы… Хотя, ты всё это давно знал: не так ли, Блюс? Ты знал, что Филипп, считай, мёртв. Знал, что рано или поздно главы захотят сместить регента. Знал, что сейчас мы как никогда под угрозой захвата конкурентами… И ты увидел в этом свой шанс…

Ведущий организатор молчит, позволяя своему тяжёлому взгляду говорить без слов. К тому же он достаточно терпелив, чтобы дождаться, пока пленник продолжит:

— Неужели ты вправду решил рискнуть всем, чтобы спасти организацию? Нет, не организацию — регента. Ты же её любишь, верно? О человек! Неужели ты настолько её любишь? После того, как она направила тебя сюда, в эту дыру, ты и вправду рассчитываешь, что потеряв мужа, она оценит твою жертву? Ты думаешь, что спасти её положение будет достаточным, чтобы она ответила тебе взаимностью? Не будь глупцом, Блюс!

— Ты и вправду думаешь, что я могу быть глупцом? Ответь: ты и вправду так думаешь? Хватит этой бессмысленной тирады, скажи мне то, что я хочу услышать.

— Ладно… как я уже сказал: главы намеревались сместить регента. Не все, но достаточное количество, чтобы развязать междоусобную войну. Поэтому они хотели всё сделать тихо, без лишних жертв, чтобы впоследствии подороже продать наш бизнес конкурентам. Предательство? Возможно, но ты не меньший предатель в моих глазах. Когда мы узнали, что ты добился контроля на проведения турнира — решили провести расследование. Главы боялись, что после всех инвестиций в станцию, ты решил захватить себе поток прибыли. Меня послали добыть информацию о твоих планах и в случае необходимости убедить тебя примкнуть к нам… если бы старики только знали, что тобой движет… Но всё оказалось куда прозаичней: ты просто на шаг опережал события, подготавливал почву для будущей войны. Это так на тебя похоже, Блюс…

— Что ты успел им рассказать?

— Не так уж и много. Доложил о твоей встрече с бароном Юри Грекхемом. Я доложил, что ты заключил сделку с союзом работорговцев. Что ты используешь станцию как платформу для дозаправки и отгрузки их товара под прикрытием проводимого турнира. Очень умно и очень рискованно, скажу я тебе. Они считают, что ты под шумок решил заработать и отойти от дел. Эти старики перестали видеть суть человека ещё сотню лет назад. Я же предполагаю, что ты заручился поддержкой союза работорговцев для защиты нашей территории. И хуже всего то, что это может сработать. Это может спасти нашу организацию, но это низко, Блюс, низко даже для тебя. Мы вели, может, и не совсем честный бизнес, но до такого никогда не опускались. Что ты переправляешь? Женщин? Детей? Органы? Сколько тушек, сколько жертв? Оно стоит твоей любви? Ответь мне!

— Мусор вроде тебя не смеет требовать ответов, — говорит Блюс пленнику и затем обращается к своему секретарю, — Энди, я хочу знать всё, что знает он. А затем отправь его домой, пусть он расскажет регенту о заговоре глав и о поддержке барона. Только не сломай его.

Ведущий организатор направляется к выходу. Референт подходит к пленнику и заглядывает тому в глаза.

— Ты допускаешь ошибку, Блюс, — в отчаянии кричит шпион, — тебе не стоит полагаться на

барона! Его влияние ослабло, скоро его сожрут не враги, так союзники!

— Пусть жрут, — прежде чем выйти, сам себе отвечает высокий человек в клетчатом пиджаке, — а я им в этом помогу.

Телепат-Энди погружается в сознание пленника, и крики предателя обрываются…

***

Ума впервые оказался в медицинском отсеке арены. Здесь располагались участники, нуждающиеся в осмотре врачей. Бригада медбратьев и здравботов сновали по отсеку в режиме готовности на протяжении всего турнира.

— Вы нуждаетесь в медицинских услугах? — мило спрашивает дежурная медсестра.

— Нет-нет, я здесь как посетитель, — спешит заверить её Ума.

— Вам помочь найти дорогу?

— Что Вы, не стоит, я и сам справлюсь.

Сбежав от медсестры, юноша-таки не сразу находит нужную палату, несмотря на малочисленность коридоров и помещений. А когда находит, то обнаруживает, что он не первый посетитель, решивший навестить своего недавнего противника.

В кровати полусидел Иола, стараясь не выказывать боли. Над больным, как заботливая мамаша, суетился не внушающий доверия врач: худой, бледный и растрёпанный во всех смыслах. Неподалёку, увлечённый процессом перенастройки транслятора, стоял бородатый рахдиец. Первым монаха замечает именно Дурий и приветствует, не стесняясь своих чувств.

— Ума! Космо меня подери! Явился-таки! Не хочешь выпить? Хотя стой, что это я: у тебя же ещё сегодня поединок.

— Я смотрю: вы уже успели познакомиться. — Юноша кивает в сторону врача-недотёпы.

— Да, — глухо отвечает Иола, — уважаемый нам столько о тебе рассказал.

— Эй-эй, он не может про меня рассказывать: я даже его имени не знаю.

— Как грубо мастер Ума, — врач утирает несуществующую слезу, — вы даже моего имени не удосужились спросить. Я же, тем временем, много был наслышан о вас от мисс Тессы.

— Надеюсь, что никто не поверил не единому её слову, — мастер теребит кончик косы, — девушки так любят преувеличивать.

— Или преуменьшать… — ни к кому не обращаясь, вставляет своё слово врач.

— Други мои, смотрите, что сейчас происходит, — завладев вниманием собравшихся, Дурий выводит на экран картинку.

Экран загорается событиями турнира, показывая происходящее на арене. А на арене сейчас должно было стать жарко. На ринг вышли участники — отожествление физической мощи. Кросс-хантер Кун Антис и ветеран бойцовских ям Гис Шимута стояли напротив друг друга — ягуар против медведопарда. Хантер по обыкновению обнажил серповидные клинки, и даже тот

факт, что лезвия были затуплены, не гарантировало счастливый исход боя. Боец из ям, вопреки своей привычке сражаться голыми руками, поигрывал короткими тесаками, что можно было воспринять как выражение уважения к оппоненту: признание того, что без оружия здесь не обойтись.

Предчувствие наступающей бури невольно погрузило трибуны в затаённое безмолвие. Чудесным образом безмолвие расползалось и по медицинскому отсеку арены. С минуты на минуту должен был начаться бой, в ходе которого выяснится следующий противник Умы.

— Я, холера, подправил канал. — С довольным видом-таки решается похвастать Дурий, — так шо трансляция, аки девица на выданье, пойдёт без задержек и цензуры.

Единственный человек, выразивший похвалу, был рассеянный врач, показавший рахдийцу большой палец. Благо этого хватило, чтобы механик раздулся от гордости, ведь остальные слишком сосредоточенно следили за трансляцией.

— По моим подсчётам: шансы равны, — говорит Иола.

— О, их шансы и близко не равны, — впившись взглядом в экран, отвечает Ума.

Экран гаснет. Проходят бесконечно долгие секунды понимания, прежде чем все переводят взгляды на виновника случившегося.

— Энто, я почти уверен, что это не я, — гордость бородача сдувается быстрее, чем у человека прилюдно лишившегося портков, — должно быть защита долбанная решила, что вирус попал в систему — ща исправим.

Дурий ещё что-то продолжает бубнить, перенастраивая с коммутатора транслятор, но его оправдания уже никто не слушает. Иола старается сохранять спокойствие, нервно выстукивая по кровати «азбуку неорса». Ума подёргивает себя за косу, не зная, какое именно из язвительных замечаний сейчас будет к месту. Горе-врач же не может решить: втайне пожалеть несчастного или принять сторону осуждающего большинства.

— Всё продумано, ща всё будет, — скорее убеждает себя, а не остальных Морж.

Ума начинает ходить по палате из стороны в сторону, что ещё больше повышает нервозность Иолы и увеличивает душевные терзания врача. Врач-таки не выдерживает и выбегает из палаты искать трансляцию в другом месте.

— Первые потери не заставили себя ждать, — улыбается монах, — врач нас покинул, а зря: сейчас кому-то точно понадобиться его помощь.

Экран, будто этого и добивался: трансляция возобновляется, позволяя вспотевшему от усердия рахдийцу сесть на пол.

— Итак, дамы и господа! — доноситься голос ведущего из динамиков, — позвольте представить победителя этой битвы! Куна Антиса!!!

Присутствующие наблюдают за рингом, где подле хантера лежит изрезанный тупыми мечами боец. Боец, по имени Гис Шимута. С клинков победителя не спеша капля за каплей стекает кровь здоровяка, и Ума не может поверить, что бой закончился так быстро. Хотя видно, что и Куну было нелегко: хантер тяжело дышит и с трудом держится на ногах.

— Две минуты, — шепчет монах, и товарищи не могут понять, какие чувства он переживает, пока не видят оскал на его лице, — две минуты, чтобы победить почти равного мне по силам врага, ох, это будет весело…

***

Четыре часа спустя

— Дамы и господа! Я рад вновь приветствовать вас на первом четвертьфинальном поединке турнира!!! — вещает трансляция с экрана визиона, в одном из многочисленных баров станции.

Этот бар был не очень дорогой, как раз для тех, кто не был в состоянии купить себе место на арене, но кто всё же смог за три года забронировать себе место на «Ребелентисе». Полупустующее заведение не могло обеспечить веселье, но хорошую выпивку и качественную трансляцию турнира гарантировало. И многих туристов это устраивало: посидеть в компании или одиночестве, обсудить очередной бой или выругаться сидя за звуко-изолированными столами, выпить за проигрыш или проставиться за победу на тотализаторе. Те же, кого что-либо не устраивало, в наименее культурной форме получали искренние пожелания удачно купить себе место на арене.

— Агхщгах! Как же меня достал голос этого комментатора!

Одиноко сидящий за барной стойкой посетитель, не стесняясь своих чувств, сплёвывает на пол. Вполне обычный незиец, правда, без одного уха — видимо не признаёт имплантированных частей тела, или страстный приверженец одной из многочисленных религий мира. Обычный человек реального мира. Но необычный потоковый блогер в вирте, с многомиллионной публикой из подписчиков, следящих за жизнью одноухого путешественника и не пропускающей его повседневные дневники. Но это всё не столь важно: гораздо важнее то, что к нему подсаживается другой посетитель бара.

— Можно присесть? — чисто из вежливости спрашивает неизвестный.

Блогер что-то бубнит в ответ и, коснувшись панели управления, заказывает ещё два бокала сидра. Один из бокалов предлагает новому знакомому, и тот с благодарностью кивает.

— Марс Полий, — представляется одноухий посетитель.

— Фаррел, — отвечает взаимностью человек с синим оттенком кожи.

— Очень приятно, Фаррел, зови меня просто Марс. Ты же авинец, так? — с абсолютным отсутствием такта спрашивает Марс, видимо решив, что нет смысла церемониться после того, как он разрешил сесть подле себя.

— Так оно и есть, — доноситься ответ, хотя губы авинца не двигаются.

— Холера, хоть и путешествую всё время, впервые вижу вашего брата, — признаётся незиец, — синеватый оттенок кожи, странного цвета волосы, глаза без зрачков — всё как мне и рассказывали.

— Кто рассказывал? — не размыкая губ, спрашивает объект наблюдения.

— Да кто его знает, может в школе ещё рассказывали, а может так кто из знакомых. — Одноухий залпом допивает бокал и вытирает подбородок. — Так это правда, что вы слепы от

рождения?

— Можно и так сказать, — Фаррел совершенно спокойно воспринял вопрос, — но мы видим по-другому и чувствуем по-другому.

— Да, что-то такое припоминаю, вы и говорить то разучились, потому как между собой общаетесь только эмоциональными посылами. Эх, память моя память, что-то да помню.

— Да, говорить мы почти не можем, поэтому используем z-блоки со встроенными динамиками, — авинец демонстративно кладёт на барную стойку небольшой кубик, воспроизводящий искусственный голос говорившего. — Благо наша способность психоуправления и технологии позволяют нам беспрепятственно общаться с другими людьми.

Марс заказывает очередной бокал сидра и говорит:

— Да, нет худа без добра. И какими же судьбами, ииик, позвольте спросить, достопочтенный оказался на этой станции?

— Вы хотите знать: что авинцу делать на турнире, если он всё равно ничего не видит?

— Я вовсе не это имел в виду… — уроженец государственного Дома Ида испугался, что обидел собеседника.

— Я знаю. Всё хорошо, не забывайте, что мы можем считывать эмоции других как свои собственные. Более того, если бы я разозлился — Вы бы почувствовали это в ту же секунду, — Фаррел и вправду не выглядит обиженным, а его портативный блок продолжает излагать мысли хозяина:

— И что касательно моего пребывания здесь — я тут по работе.

— И кем же Вы работаете, если не секрет?

— Не секрет: я один из инспекторов безопасности.

— Аааааа, — кажется, собеседник не понял.

— Проверяю, соблюдаются ли все меры предосторожности для защиты посетителей «Ребелентиса».

— А! Ну и как, соблюдаются?

— Пока что меня всё устраивало: за всё время, я не ощутил никаких настораживающих эмоций. А охраны, скажу я Вам, даже больше, чем предполагала лига прав человека. Вы не поверите, но один из снайперов-охранников — мой соотечественник!

— Но…

— Вот именно! Незнающий человек решит, что это абсурд: как представитель слепой расы может быть хорошим стрелком. Но мы то знаем: мы знаем, что если наше видение мира сравнивать с сонаром, то надо обладать необычайно мощным восприятием, чтобы стать авинцем-стрелком. Необычайный талант!

Марс, не зная, что и сказать, просто молча потягивает напиток. Неловкое молчание опускается на барную стойку, пока уроженец Дома Авин не решает нарушить тишину:

— Как там турнир проходит? Четвертьфинальные поединки уже закончились?

— Да-да, — подхватывает интересную ему тему незиец, — как раз крутят повторы. Я сейчас отмотаю на начало первого боя.

— Будьте любезны, опишите происходящее на ринге.

— Значится так: в четвертьфинал вышли следующие участники: Фин Лехц, Кун Антис, «Паук» Сезаул, Ума Алактум, Ален Бур, палач Исаборо, Холи Грин, Трэвис Зокий. В первом поединке сражались Ума Алактум и Кун Антис.

— Помню, помню: интересный, наверное, был поединок.

— Правила были следующие: участники сражались на мини-ринге диаметром десять метров, а платформа в это время кружилась и кренилась с целью сбросить участников с себя. Победителем стал тот, кто продержался на ринге дольше.

— Только не забегайте вперёд: мне бы хотелось услышать описание боя с самого начала.

— Эх, да, конечно, Кун Антис, который хантер, опять сражался своими кривыми мечами, а Ума Алактум, который монах, при таких условиях боя не стал пользоваться мечом…

***

За четыре часа до этого

Кросс-хантер бросился на монаха одновременно с сигналом. Улыбка ещё не успела сойти с лица юноши, когда серповидный клинок добрался до плоти врага. Кровь окропила ринг. Зритель, сливаясь в единый безудержный организм, что-то закричал. За первым ударом последовал второй, третий и четвёртый. Клинки рассекали монашескую руб, кожу и стальные мышцы. После пятого удара Ума упал…

012

«Да, я в любом случае не стал бы убивать Иолу. Хотя мне безмерно хотелось убить его за временную атмосферу дружбы, что он мне навязал. Искусственно созданная симпатия в ходе диалога достойного журнала девушки-подростка на какое-то время избавит нас от предательских мыслей. Мы даже будем доверять друг другу, даже доверять свои жизни. Ужас. Совершенно не комфортно. Если подумать: доверие не логично по своей структуре, даже само слово происходит от слова «вера». Не люблю это слово. Не люблю говорить о вере. Тем более о вере людей.

Зачем подвергать себя изначально провальному занятию: верить в кого-то. Заметь, я говорю не о чём-то. Я беру на рассмотрение исключительно человека. В конечном итоге люди разочаровываются друг в друге и продолжают это делать. И всё по одной причине — люди слабы. Это факт. И факт этот должен стать отправной точкой в восприятии мира и других людей.

Да ладно, я не назло тебе это говорю. Я знаю, что ты одно из самых светлых созданий этого мира. И да, тебе я тоже не доверяю. И нет, я не ненавижу людей. Противоречие? Только не в моём больном мозгу.

Ненависть — это эмоция. Слишком близкая к привычному пониманию определения любви. А я

тут сопли разводить не собираюсь.

О чём это я? Ах да, люди слабы. Слабы умом, раз продолжают доверять и верить. Слабы духом, раз продолжают разочаровывать. Слабы телом, раз неспособны свои мерзкие жажды возвести в ранг нормы. Но это не плохо. Это просто есть. Слабость человека и есть норма. Понимая, что все люди никто и ничто по определению, существование становится гораздо проще. И гораздо интересней. Я не разочаруюсь ни в ком, потому что я никем и не очаровывался. Меня никто не предаст, потому что я всегда этого ожидаю. И это не значит, что я по-своему не люблю людей или разочаровался в мире. Смотри шире, моя королева. Я люблю их слабости, потому что их можно высмеять. Я буду счастлив, когда меня предадут, потому что предательство — один из лучших сюжетных моментов любого произведения. И завершающая метафора о том, что люди — это не огранённые драгоценные камни, позволяет мне шлифовать людей. Шлифовать их, утоляя мой садизм и делая их сильнее. Шлифовать до тех пор, пока я не смогу их полюбить. Ох, даа, а потом даже убить, чтобы испытать ту бесконечную боль от потери любимого человека…

…Эм, я увлёкся… Ты ничего не слышала. Нет, я серьёзно: я ничего не говорил…

Как прошёл бой с Куном? Хм. Ох уж этот недоделанный хантер. У меня нет однозначного ответа. Хотя результаты ты всегда можешь узнать в вирте… Скажем так: я не удовлетворён нашим поединком, но это ещё не конец…

Что я задумал? Не важно… Ладно, важно. Но тебе этого знать не захочется. Потому что тебе это не понравится. Лучше вернёмся к моему повествованию…»

***

Удары сверху, снизу, справа, слева. Манекены продолжали безжалостно атаковать ученика, вынуждая того доводить свою защиту до автоматизма. Было больно, страшно и тяжело. Каждый месяц лабиринт манекенов усложнялся: всё чаще приходилось полагаться на удачу. И как бы не повышали мораль обещания наставника о том, что по завершении всего курса в защите паренька не останется дыр — страх всегда брал верх. В этом и был главный урок. Со слов учителя, конечно. Урок о контроле, о подчинении страха и использовании его. Что ж, пока что в подчинении находился только ученик.

— Довольно! — останавливает тренировку голос учителя, — неплохо по сравнению с первым днём. Даже ни разу не расплакался.

Ученик угрюмо молчит. Ему сейчас совершенно не до едких замечаний. Мальчишка направляется к медицинскому стеллажу и начинает втирать в ушибы лечебную мазь. А в стеллаже мази ещё много. На годы тренировок. Видимо, наставник подготовился на совесть. И к любым случаям жизни.

— Знаешь, — решает остудить ученика программа, — я думаю: ты заслужил массажное кресло. Да, обычно я бы не позволил его использовать, потому что оно дорого моему создателю, но кто мы такие, чтобы заботиться о его чувствах: верно же. И не делай такое лицо, даже несмотря на то, что я программа, я говорю искренне, и это не хитрая манипуляция.

Пареньку ничего не остаётся, как сесть в личное массажное кресло учителя.

— А пока ты отдыхаешь, — как бы невзначай бросает наставник, — можешь рассказать, что ты успел выучить о появлении главенствующей религии нашего времени…

Мальчишка вздыхает, так как ожидал нечто подобное от этой самодовольной программы, и

заставляет себя начать говорить:

— Под воздействием теорий таких учёных как: Монтефьюпи, Ксандора, Закериса, Фасота и Писуса, ещё со времён Второго Исхода начала образовываться новая отрасль науки: космофизика. Где уже без стыда использовались законы, рассматривающие человека как катализатор энерго элементов, влияющих на протекание физических и химических процессов за пределами материального мира и меняющие структуру мироздания. Ещё при жизни учёные выводили последовательность изменения жизни индивида в зависимости от приверженности и волевых усилий, направленных на изменение жизни оного. Информационный посыл, испускаемый человеком, запускает физические законы энерго компонентов, вследствие чего меняется «химический» состав вселенной: изменения протекают от молекулы к молекуле, цепной реакцией меняя положение вещей. В то же время мироздание имеет гибкую структуру, что позволяет ему изменяться в допустимой мере, сглаживая углы и предотвращая катастрофы от возможности конфликта интересов. Изменения происходят только под воздействием наиболее сильных катализаторов или совместных усилий групп людей, продвигающих одну идею. Крайность же положения относительно уровня развития человеческого мозга находит своё решение в социально сфере. Развивая в равной степени правое и левое полушарие, человек достигнет данного ему природой уровня и будет способен менять этот мир без вреда для окружающих. Но у большинства людей полушария развиты непропорционально, делая одних приверженцами холодного расчёта, а других — топя в собственных фантазиях. Индивиды с развитым правым полушарием предрасположены к созданию чего-то нового и изменению мира, а с левым — к управлению уже существующим миром и даже подталкиванию других катализаторов к достижению своих целей. В виду своего несовершенства люди являются и ограничителем и стимулом друг для друга…

Ученик делает глоток из удобно расположенной питьевой трубки и продолжает:

— И это напомнило мне о словах социолога Мурона Галуто о том, что человек нуждается в обществе ввиду собственной слабости и только слабости. Только жертвы сбиваются в стада для выживания: социальный аспект позволяет человеку не развиваться, а проживать на текущем уровне. В то же время общество необходимо для сильного, чтобы он смог преодолеть себя и отказаться от этого искушения, как необходимый шаг для дальнейшего развития. Неплохое оправдание для человека, у которого нет друзей.

Учитель кашляет, давая понять, что оболтус отошёл от темы, и последнему не остаётся ничего другого, как вернуться к началу:

— Что там ещё было? Ага — закон равновесия вселенной. Негласный, невидимый никому баланс мира. Эмоции. Спорные утверждения, но со времён появления таких понятий как добро и зло, хорошо и плохо, радость и печаль — люди забыли о том, что это всего лишь слова, а мир сам по себе таков каков он есть, не поддающийся классификациям и градациям. Заморачиваясь на том, чтобы быть только счастливыми, человечество создавало мир утопию раз за разом, не понимая, что чем больше добра они стараются привнести в мир насильственным путём, тем больше зла они породят как следствие возвращения жизни к равновесию. Каждая утопическая мечта заканчивалась катастрофой. Ни измерить, ни доказать принципы равновесия вселенной невозможно, но тем не менее союз Веста до сих пор не использует «счастливую диктатуру», а поддерживает средний уровень преображения мира с учётом особенностей каждого из Домов.

Ещё одна пауза, чтобы заставить свою память воспроизвести никому ненужные элементы учебных пособий, и ученик переходит к завершающей фазе:

— Уффф, давайте закончим основным результатами. Главным достижением «учёной пятёрки» стало то, что после их смерти было создано новое религиозное движение, затмившее старые вероисповедания, что и так исчезали в период Первого Исхода. На сегодняшний день существует одно наиболее распространённое религиозное движение, конечно с множественными ответвлениями, но суть у всех одна: вся вселенная есть высший разум, ну или что-то вроде того, я не до конца понял. Последователи верят, что люди, как и всё прочее — совокупность высшего разума Космо, одновременно являясь чем-то вроде органов и в то же время эмоций, и детей его оного. И миллиарды наших жизней Он проживает одновременно с нами, наслаждаясь противоречивыми эмоциями, просматривая сюжеты наших судеб — будто сериал посмотреть. И после смерти вся информация нашего накопленного сознания объединяется с энергией вселенной. Мы как бы просто обособленные материальные и нематериальные компоненты единой энергетической системы. Самое страшное то, что это движение не шло вразрез ни с одной религией и с помощью научной подоплеки объединяло их в одну. И изучение кармического перерождения при жизни профессора Закериса вывело натянутое подтверждение того, что при жизни человек способен накопить достаточное количество энергетики, чтобы не раствориться во всеобщей энергетической массе и переродиться в новом теле. Споры, да и только, но последователи остались довольны почти каждой теорией. Величайшее научное достижение — создание новой религии.

— Громоздко закончил, хорошо, можешь теперь отдыхать и к следующей неделе постарайся ознакомиться со всеми теориями «учёной пятёрки» и возростающем влиянии учения Жара.

Паренёк кривится и спешит покинуть тренировочный корабль…

http://tl.rulate.ru/book/8500/159990